

История консульства
империи во Францию
т. I.

50290 4c

Луи-Адольфъ Тьеръ.

Краткій Біографическій Очеркъ.

Предлагая въ этой книгѣ переводъ одного изъ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій Тьера, которое, по множеству содержимыхъ въ немъ достовѣрныхъ фактовъ, по исторической живописи, по мастерству изложенія и важности своего предмета, должно быть причислено къ величайшимъ твореніямъ нашего вѣка; прилагая къ переводу удачнѣйшій изъ портретовъ автора, сдѣланныхъ въ Парижѣ, мы полагаемъ не безполезнымъ познакомить читателя и съ нѣкоторыми чертами жизни, характера и политическихъ убѣжденій Тьера, потому что этотъ живописецъ значительнѣйшей эпохи нынѣшняго столѣтія самъ былъ важнымъ дѣйствующимъ лицомъ на политической аренѣ.

Луи-Адольфъ Тьеръ родился въ Марсели, 16-го апрѣля, 1797 года. Отецъ его былъ простой ремесленникъ, если не ошибаемся, слесарь. Мать его происходила изъ довольно значительнаго торговаго дома, игравшаго роль во время революціи и разореннаго революціею, изъ дома, къ которому по родству принадлежали и Мари-Жозефъ и Андре-Шенъ, два героя революціоннаго періода.

Когда Наполеонъ, увѣнчавъ себя императорскою короною, преобразовалъ учебныя заведенія Франціи и далъ Марсельскому училищу высшихъ наукъ новое устройство, подъ названіемъ «Императорскаго Лицея», Тьеръ, по ходатайству нѣкоторыхъ родственниковъ своей матери, былъ принятъ въ число питомцевъ этого славнаго заведенія, которое даровало Франціи не одного великаго писателя, ученаго и оратора.

цію отъ повторенія явленій кровавой драмы, которая потрясла ее въ теченіи десяти лѣтъ, начиная съ 1792 года.

«Исторія Французской Революціи» надѣлала много шуму, навлекла автору отъявленную вражду многихъ, но въ тоже время доставила и самыхъ ревностныхъ друзей. Съ тѣхъ-поръ, онъ занялъ мѣсто въ ряду замѣчательнѣйшихъ и самыхъ смѣлыхъ членовъ либеральной оппозиціи. Дѣйствователи того времени находили въ его юношеской энергіи, въ увлекательной діалектикѣ, богатый рудникъ для парламентскихъ преній и старались увлечь его на политическое поприще. Ознакомившись, чрезъ барона Лун, съ таинствами государственной экономіи, увлекаемый своимъ темпераментомъ на защиту прогрессивныхъ началъ, Тьеръ сдѣлался одной изъ самыхъ вліятельныхъ пружинъ печатной политической оппозиціи.

50290 Такъ, послѣ тяжкаго, устойчиваго труда, поглотившаго лучшіе пять лѣтъ его молодости, и какихъ лѣтъ!—прекраснѣйшихъ въ жизни юнаго автора, который съ академической лавки прямо перенесенъ въ волшебный кругъ всѣхъ обаяній роскошной и увлекательной столицы, — послѣ перваго успѣха, Тьеръ увидѣлъ себя на аренѣ, которая представляла всѣ средства блеснуть дарованіями, заслужить славу и достигнуть до значительнаго вліянія.

Тьеръ воспользовался своимъ положеніемъ и не упустилъ своего счастья.

Недовольствуясь изношенною и однообразною оппозиціею *Конституціонеля*, Тьеръ задумалъ основать новый, болѣе демократическій органъ оппозиціи. Въ 1828 году явился, подъ его главною редакціею, журналъ «*Насіональ*», поддерживаемый финансовымъ покровительствомъ всѣхъ значительнѣйшихъ богачей Парижа и сотрудничествомъ Армана Карреля и самыхъ смѣлыхъ головъ оппозиціонной партіи.

Тутъ завязалась жаркая, упорная и искусная полемическая борьба Тьера съ Реставраціею. Своими ежедневными, бойкими и глубокомысленными выходками, онъ остановилъ стремленіе правительства къ присвоенію деспотическаго самовластія, заключилъ министерство Полиньяка въ тѣсный кругъ предписываемый хартіею, не давая ему дѣйствовать во вредъ ея постановленій, и на каждомъ шагѣ ограничивалъ его вліяніе, крестя однимъ махомъ пера каждое дѣйствіе, опасное для народнои независимости. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, министерство, выбившись изъ силъ въ борьбѣ, неравной по нравственнымъ средствамъ, некало

Окончивъ курсъ на девятнадцатомъ году, Тьеръ поступилъ въ юридическій факультетъ въ городъ Э. Здѣсь принялся онъ ревностно за изученіе правъ и нашелъ сотоварища и друга, студента Алансонскаго лица, съ которымъ скоро вошелъ въ самую тѣсную братскую связь. Это былъ Минье, который впоследствии также снискалъ себѣ славу, какъ историкъ и публицистъ и котораго имя почти нераздѣльно съ именемъ Тьера, по сходству ихъ талантовъ и направленій, по близости вкусовъ, занятій и постоянной дружбѣ, не остывшей съ лѣтами.

Посвятивъ себя изученію законовѣдѣнія, оба пріятеля непреодолимой силой были увлекаемы къ занятіямъ историческимъ и литературнымъ. Они занимались кодексомъ и пандектами сколько было нужно, чтобы выдержать экзаменъ, а все остальное время посвящали изученію исторіи, философіи и даже политики. Пылкій и честолюбивый Тьеръ, какъ-будто предчувствуя свою блистательную будущность, уже на студентской лавкѣ разыгрывалъ роль оратора, главы партіи, шумѣлъ, кричалъ, возставалъ противъ Реставраціи, вызывалъ память Республики и Имперіи и рѣзкостью своихъ выраженій, своимъ бурнымъ краснорѣчіемъ, увлекая за собою товарищей, накликалъ на себя немилость своего начальства, попалъ на замѣчаніе полицейскаго комиссара, и потомъ принужденъ былъ хитростію завоевывать награды, которыя слѣдовали ему по праву достоинства и таланта (*).

Академія города Э, которая, по выраженію Вольтера, «умѣла, подобно скромной женщины, всегда оставаться незамѣченною», объявила конкурсъ на похвальное слово Вовенару.

Тьеръ, которому тутъ открывалось обширное поприще блеснуть своимъ даромъ краснорѣчія, тотчасъ же ревностно принялся за трудъ, надѣясь навѣрное получить награду. Онъ отправилъ рукопись въ Академію: сочиненіе его найдено превосходнымъ, но, по несчастію, ученые судьи узнали или угадали имя

* Разсказываютъ по этому случаю анекдотъ, который характеризуетъ и сколько честолюбивыя мечты молодого законовѣда.

У входа въ Университетъ сидѣла обыкновенно бѣлая старуха, торговавшая яблоками, и собиравшая по полушкамъ себѣ на хлѣбъ. Тьеръ, проходя мимо ея, всегда говорилъ: «Крутое время, тетка! что дѣлать, потерпи: вотъ я буду министромъ, такъ приѣду за тобою четверней, въ каретѣ, и помѣщу у себя въ домѣ.» Старуха улыбалась и грустно покачивала головою.

Неизвѣстно исполнилъ-ли министръ обѣщанія студента.

цію от
ла ее

«Ис
влекла
доста
нялъ
новъ
длин
богат
его на
Лун,
имъ
слѣла
полит

Та
шіе
въ
мо
и ув
дѣл
даров
влія

Ть
его

Не
стит
тиче
ною
вым
рижа
голо

Ту
борь
и гл
прав
чилъ
харт
важ
пера
этом
сил

Лау» доказывала, что онъ глубоко изучилъ этотъ предметъ; несмотря на то, одни называли систему Тьера безнравственною и опасною, а другіе, напротивъ, находили ее, хотя смѣлымъ, но единственнымъ, благоразумнымъ способомъ удовлетворить огромнымъ нуждамъ государства.

Въ то же время Тьеръ былъ избранъ депутатомъ города Э. Первые его опыты въ Палатѣ были неудачны. Причины этихъ неудачъ заключались отчасти въ физическихъ недостаткахъ, отчасти-же и въ нравственномъ его направленіи. Его тревожныя, демократическія идеи пугали робкіе умы, а напыщенныя, натянутыя рѣчи, произносимыя непріятнымъ органомъ, всѣхъ утомляли.

Министерство Лафитта существовало не долго. Внутреннія волненія и внѣшнія обстоятельства Франціи требовали болѣе умѣренной системы: въ мартѣ, 1831 года, составилось министерство Казимира Перье. Это весьма важная эпоха въ государственной жизни Тьера: онъ оставляетъ прежнее оппозиціонное направленіе и, къ удивленію всѣхъ, дѣлается ревностнымъ защитникомъ правительственной власти и всѣхъ ея распоряженій. Первая рѣчь его, послѣ этой перемѣны, заключала въ себѣ жестокое нападеніе на главные пункты оппозиціи. Съ этихъ поръ начинается недоброжелательство къ нему Лафитта, которое, возрастая съ каждымъ днемъ, дошло почти до ненависти.

Но чему приписать эту внезапную перемѣну въ человѣкѣ сознательномъ и политическомъ? Друзья Тьера, объясняли ее безпредѣльной его любовью къ отечеству, для счастія и спокойствія котораго, онъ рѣшился пожертвовать своимъ убѣжденіемъ и отречься отъ своихъ плановъ и желаній; враги приписывали его поступокъ личнымъ честолюбивымъ видамъ. Но должно сказать, что большая часть обвиненій, вводимыхъ на Тьера, касательно его честности и благородства, рѣшительно несправедливы. Скорѣе можно объяснить перемѣну его политическаго направленія, любовью къ порядку, къ власти твердой и мощной, въ какой бы формѣ она не проявлялась, любовью, которая такъ ясно высказывается въ его «Исторіи Революціи», и въ его частной жизни.

Съ перемѣною идей, произошла въ немъ и перемѣна, какъ въ ораторѣ. Въ рѣчи своей въ пользу наследственности достоинства Перовъ, Тьеръ, въ первый разъ, откидываетъ прежнюю свою напыщенность и фразерство, и начинаетъ говорить языкомъ простымъ, живымъ и сильнымъ. Съ этой минуты, онъ постоянно держался въ ряду первыхъ ораторовъ французской трибуны.

спасенія въ *Іюльскихъ постановленіяхъ*, слѣдствіемъ которыхъ и былъ рѣшительный переворотъ 1830 года.

Утромъ, 26-го Іюля, всѣ журналисты собираются въ редакцію *Насіоналя*, Тьеръ уже тамъ. Они пишутъ общій протестъ противъ сдѣланныхъ опредѣленій и Тьеръ подписывается на немъ первый. Поступокъ былъ отваженъ: они рисковали головами. Но когда возстаніе перешло къ народу, Тьеръ, который твердилъ, что должно ограничиваться одними законными мѣрами, уѣхалъ въ Монморанси и возвратился въ столицу не прежде, какъ по окончаніи борьбы, 27-го Іюля. Тьеръ принялъ дѣятельное участіе во всѣхъ мѣрахъ къ возстановленію Монархіи. Утромъ 30-го Іюля, онъ отъ имени Лафитта ѣздитъ въ Нёльи, проситъ герцога Орлеанскаго принять на себя санъ правителя государства.

Здѣсь можно смѣло сказать, что, если іюльскій переворотъ 1830 года не представилъ въ такомъ ужасающемъ видѣ искорененія всѣхъ нравственныхъ, религіозныхъ и гражданскихъ началъ, въ какомъ представила ихъ міру первоначальная революція, то это произошло именно оттого, что Тьеръ въ своей исторіи развернулъ широкую и яркую картину этихъ печальныхъ безпорядковъ и неустройствъ и тѣмъ обезпечилъ испуганную Францію отъ ихъ повторенія. И вотъ величайшая слава, которая лежитъ на его твореніи, которое не можетъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, — *возбуждать*, но напротивъ должно *укрощать* страсти.

По учрежденіи новаго правительства, 9-го августа, Тьеръ назначенъ государственнымъ совѣтникомъ, съ порученіемъ, исправлять должность главнаго секретаря по финансовому управленію, подъ начальствомъ Луи.

Первое министерство, составленное въ торопяхъ, на скорую руку, изъ разнородныхъ и несоединимыхъ началъ, не могло долго держаться: оно пало. Образовались двѣ системы — консервативная и прогрессивная; одни хотѣли идти далѣе, другіе оставаться *in statu quo*. Первые, къ которымъ принадлежала вся оппозиціонная партія, — одержали верхъ и Лафитъ назначенъ президентомъ совѣта. Говорятъ, что король въ то же время предложилъ Тьеру портфель финансовъ, но что Тьеръ отклонилъ предложеніе, подъ предлогомъ молодости, и удержалъ прежнее свое званіе.

Несмотря на то, Тьеръ, по порученію Лафитта, управлялъ финансами и выдержалъ страшный кризисъ 1830 года. Его финансовыя мѣры были судимы различно, какъ и всѣ его дѣйствія вообще. Еще прежде изданная имъ брошюра «О системѣ

ской школы». Въ дѣлѣ искусствъ Тьеръ удивительный знатокъ. Первымъ шагомъ его на литературномъ поприщѣ, по прибытіи въ Парижъ, была статья о тогдашней художественной выставкѣ, которая по глубинѣ своихъ сужденій, по вѣрности и оригинальности своего взгляда, возбудила всеобщее вниманіе.

По паденіи министерства Молё, всѣ противоположныя партіи, соединившіяся для его низверженія, стали оспаривать другъ у друга его наслѣдство. Оппозиція опять вывела на сцену Тьера, но онъ не успѣлъ составить кабинета по своему желанію и не соглашался войти въ министерство маршала Сульта иначе, какъ съ портфелемъ иностранныхъ дѣлъ, котораго тотъ ему не далъ. Также неудачно было представленіе Тьера въ кандидаты на мѣсто предсѣдателя Палаты и онъ снова очутился, какъ въ началѣ революціи, простымъ депутатомъ, на лавкахъ оппозиціи. Впрочемъ, это продолжалось недолго: обстоятельства скоро опять возвели его на вершину министерства.

Между тѣмъ, Тьеръ не оставлялъ своихъ литературныхъ трудовъ; онъ возвращался къ нимъ въ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время и ревностно занимался своей «Исторіей Консульства и Имперіи», для которой находилъ всѣ политическія акты подъ рукою. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ уже той юношеской страсти, того огня, который возбуждалъ въ молодомъ воображеніи еще довольно свѣжее воспомнаніе событій, воспламенившихъ всю Францію; за то мы находимъ въ немъ зрѣлый, основательный взглядъ опытнаго дипломата, глубокое знаніе государственныхъ дѣлъ, рѣдкія свѣдѣнія въ финансовомъ и административномъ управленіи, любопытныя и новыя подробности, рассказанныя живописнымъ, но простымъ и сжатымъ языкомъ, въ ясности и послѣдовательности, которыя изумляютъ своей логической силой и въ тоже время увлекаютъ любопытство.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о личности Тьера, приведемъ слова одного изъ остроумнѣйшихъ французскихъ писателей:

«Ступайте въ Палату,» — говоритъ онъ, — «въ день жаркаго политическаго пренія; взгляните на тѣсную клѣтку, называемую ораторскою трибуною; посмотрите, какъ въ ней копошется крошечный человѣкъ, такой уютный, что изъ за мраморной эстрады виднѣется почти только одна голова его. Эта голова одарена довольно безобразнымъ, кривляющимся лицомъ, но котораго черты живы, выразительны, оригинальны, и парю блестящихъ, проницательныхъ глазъ. Между тѣмъ,

По смерти Казимира Перье, похищенного холерою, образовалось, 11-го октября, 1832 года, новое министерство, под председательством маршала Сульта. Тьеру порученъ портфель внутреннихъ дѣлъ, который онъ скоро промѣнялъ на портфель торговли и общественныхъ работъ. Здѣсь начинается самое блистательное время государственной дѣятельности Тьера; сюда принадлежатъ: возстановленіе статуй Наполеона на Вандомской колоннѣ, окончаніе триумфальныхъ воротъ Звѣзды (de l'Etoile), на которыхъ начертаны имена всѣхъ великихъ генераловъ, прославившихъ оружіе Франціи, и множество другихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о его неусынной дѣятельности. Художества, искусства и ремесла начинаютъ процвѣтать, являются отличные художники, вызванные на поприще славы и поощряемые Тьеромъ (*).

Не станемъ входить въ его пренія, ссоры и даже перебранки съ маршаломъ Сультомъ, маршаломъ Жераромъ, въ его неудачное домогательство званія президента совѣта; замѣтимъ только, что къ этому времени принадлежатъ его несогласія съ Гизо, бывшимъ его товарищемъ въ нѣсколькихъ министерствахъ, подъ председательствомъ Перье, Сульта, Жерара, Мортье, при которомъ Тьеръ снова завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ самыхъ характерахъ Тьера и Гизо заключались сѣмена ихъ раздора. Трудно было Гизо, человеку ума строгаго, хотя и мягкаго сердца, сойтись съ Тьеромъ, гибкимъ и уклончивымъ, и потому скорѣе готовымъ рѣшиться, въ случаѣ опасности, на крутыя мѣры. Председательство, на которое мѣтили оба, породило между ними сперва соперничество, потомъ недоброжелательство, которое другіе, изъ собственныхъ видовъ, разожгли до явной вражды.

Только въ министерство 22 февраля, Тьеръ успѣлъ добиться до мѣста президента совѣта министровъ, но пользовался имъ не долго: несогласія его съ правительствомъ, по случаю вопроса о вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла, побудило его выйти въ отставку и передать министерство графу Молѣ.

Тьеръ между тѣмъ, какъ страстный любитель искусствъ, отправился въ Италію и собралъ тамъ матеріалы, для давно замышленного имъ творенія, «Исторіи Флоренціи и флорентин-

(*) Къ нимъ принадлежитъ и знаменитая наша французская артистка Арну-Плесси, отысканная Тьеромъ, и помѣщенная на сцену Французской Комеди (Théâtre Français).

всякой жестокости въ сердцѣ, безъ малѣйшей желчи въ образѣ мыслей; жажда народности и простота въ рѣчахъ и обращеніи, презрѣніе ко всему безсильному и несмѣлому и ненависть къ крайностямъ, — вотъ черты, которыя въ Тьерѣ довольно живо припоминають Дантона. Ихъ даже одинаково несправедливо обвиняють въ корыстолюбіи.

Давно извѣстно, что характеръ человѣка проявляется во всѣхъ направленіяхъ его дѣятельности. Тьеръ вполне служитъ подтвержденіямъ этого правила. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видно то, что онъ самъ, шутя, называетъ *фанатизмомъ простоты*. Загляните въ его кабинетъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и отборнѣйшихъ частныхъ кабинетовъ, вы увидите, что онъ въ искусствахъ держится той-же строгости и воздержности, которыя придаютъ такую оригинальность его перу. Многочисленныя произведенія искусствъ, собранныя въ этомъ святилищѣ труда и мышленія, отличаются тѣмъ-же естественнымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ, тою-же правильностію рисунка, строгостію линий и очертаній, которыя запечатлѣваютъ каждую его страницу. Весь этотъ кабинетъ, въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ, выражаетъ именно *фанатизмъ простоты*.

Ознаковшись съ политическимъ значеніемъ, съ страстями и понятіями Тьера, перейдемъ къ писателю, котораго духъ мы уже разобрали, но котораго должны еще разсмотрѣть, какъ стилиста.

Вольтеръ писалъ подъ старость: «Нынѣшній модный слогъ побуждаетъ меня болѣе, чѣмъ когда нибудь, писать со всевозможною простотою.»

Тьеръ, во многомъ сходный съ Вольтеромъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ съ нимъ много общаго. Наперекоръ модному направленію новѣйшихъ писателей Франціи, которые прибѣгаютъ къ громкимъ и вычурнымъ фразамъ и разливаются потокомъ словъ, что на ихъ нарѣчіи называется *цвѣтистымъ* и *скульптурнымъ* слогомъ, Тьеръ пишетъ просто, сжато, безъ всякихъ затѣй и украшеній. Даже въ предлагаемомъ здѣсь сочиненіи онъ не увлекся своимъ предметомъ, который, казалось-бы, поддается, какъ-нельзя болѣе, всѣмъ вычурамъ такъ называемой *высокой прозы*. Но за то его чистый и свободный языкъ, его живая и простодушная, но тѣмъ не-менѣе энергическая фраза напоминають лучшихъ французскихъ прозаистовъ, ихъ естественность и простоту и даже ихъ даръ *небрежности*, какъ говорили критики бѣлыхъ временъ. Особенно мастеръ онъ на обороты, этотъ пробный камень хорошаго стилиста.

какъ члены палаты шумятъ и усаживаются, всмотритесь въ прихотливый очеркъ его губъ, тонкихъ и сжатыхъ, какъ у Вольтера, замѣтите на нихъ вѣчную насмѣшливую улыбку, самую лзвительную, самую инквизиторскую, какую только можно встрѣтить.

«Наконецъ, все успокоилось; ораторъ сейчасъ заговорить; слушайте, или, если у васъ сколько-нибудь живые и музыкальные нервы, то лучше заткните уши и потомъ открывайте ихъ понемногу, потому что васъ поразитъ тонкій, рѣзкій и крикливый голосъ, который произвелъ бы судороги у Рубини и Малибранъ, какой-то странный голосъ, не мужской и не женскій, а что-то среднее; прибавьте къ этому еще сильный провансальскій выговоръ въ носъ, и впечатлѣніе будетъ полное. Но погодите: изъ этой слабой груди польются звуки, которые всегда привлекаютъ общее вниманіе, а иногда возбуждаютъ даже неистовый восторгъ; этотъ жидкій голосъ произноситъ слова, свѣтлыя, какъ-кристаллъ, быстрыя, — какъ мысль, полныя и сжатые — какъ размышленіе.

«Эта незavidная фигурка одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и чуть ли не самая дѣятельная голова между современными знаменитостями Франціи — это Тьеръ! Куда ни обратите взоръ: онъ всегда предъ вами, то депутатомъ, то министромъ, то историкомъ, литераторомъ и журналистомъ, то дипломатомъ, артистомъ и членомъ Академіи. Вездѣ и во всемъ онъ *свой человекъ* и на каждое поприще переноситъ свою рѣдкую дѣятельность, ревность и печать своего впечатлительнаго и оригинальнаго ума. Удивляешься подѣ часъ, какъ достаетъ у него силъ на всѣ эти разнородныя занятія. Франклинъ говорилъ, что успѣваетъ много дѣлать, потому что не дѣлаетъ *двухъ дѣлъ* разомъ; Тьеръ, кажется, напротивъ, дѣлаетъ всегда по два, по три дѣла и во всемъ успѣваетъ!»

Что касается до характера Тьера, мы находимъ, что одинъ изъ новѣйшихъ историковъ весьма удачно назвалъ его *миниатюрой Дантона*. И дѣйствительно, въ характерахъ этихъ двухъ лицъ двухъ мятежныхъ эпохъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, есть поразительное сходство. Тьеръ, кажется, самъ это чувствуетъ и потому съ особенной любовью говоритъ о Дантонѣ въ своей «Исторіи Революціи.» Характеръ его болѣе безпокоенъ и занозчивъ, чѣмъ отваженъ; онъ не разборчивъ на средства, которыя ведутъ къ цѣли; склоненъ къ удовольствіямъ и почти съ ребяческимъ увлеченіемъ преданъ искусствамъ; въ немъ видна готовность къ крутымъ мѣрамъ, безъ

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

КОНСТИТУЦІЯ VIII ГОДА.

съ 19-го Брюмера — по 15-е декабря 1799 года.

Но форма историческаго сочиненія неограничивается языкомъ и слогомъ; она требуетъ другихъ, гораздо высшихъ, условій. Насчетъ условій историческихъ сочиненій писано очень много. У каждаго свой взглядъ, свое ученіе, свои образцы: одинъ навязываетъ сжатаго, суроваго Тацита; другой роскошнаго, но строгаго Тита-Ливія и мало-ли еще кого. Вольтеръ, кажется, первый постигъ истинную форму исторіи, онъ говоритъ (*): «Я стараюсь представить широкую картину описываемыхъ событій и постоянно привлекать вниманіе на главныя лица. Въ исторіи, какъ и въ трагедіи, нужны завязка и развязка, иначе историкъ будетъ простой переписчикъ историческихъ актовъ. Я стараюсь придать занимательность исторіи, которую до сихъ поръ всѣ писали нестерпимо скучно».

Однимъ словомъ, для занимательности исторіи въ ней долженъ быть драматизмъ. Если глубже вникнемъ въ древнихъ бытописателей, то замѣтимъ, что не языкъ, болѣе или менѣе сжатый или богатый, суровый или живописный, даетъ имъ такую прелесть и силу, а жизнь, которою дышатъ ихъ герои, драматизмъ ихъ сочиненій. Этимъ драматизмомъ древнихъ, этой занимательностію, проповѣдуемой Вольтеромъ, Тьеръ обладаетъ въ высшей степени: передъ глазами вашими встаютъ люди былаго времени, съ ихъ страстями, увлеченіями, доблестями, и снова переживаютъ жизнь свою во всѣхъ ея направленіяхъ.

Но нѣтъ драматизма безъ единства: это непременимое условіе и въ драмѣ и въ исторіи. Что-же составляетъ у Тьера путеводную нить, около которой группируются самые разнообразныя факты? Ее составляетъ идея, самая живая и благородная въ историкѣ: не безпристрастіе, которое невозможно, какъ идея, и которое было бы въ историкѣ ничто иное, какъ холодность души, но идея, увлекающая самаго равнодушнаго читателя:—любовь къ отчизнѣ и къ ея славы. Ею проникнута вся «Исторія Консульства и Имперіи», которую, по всей справедливости, называютъ замѣчательнѣйшимъ твореніемъ нашего вѣка.

О. К.

(*) Въ письмѣ къ пріятелю, о книгѣ его сочиненія, *Вѣкъ Людовика XVI*.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИЖИ.

Вступленіе въ должность временныхъ консуловъ. — Раздѣленіе занятій между Сійесомъ и генераломъ Бонапарте. — Бонапарте присвоиваетъ себѣ власть правительственную, а Сійесу предоставляетъ заботу о составленіи новой конституціи. — Состояніе Франціи въ брюмеръ мѣсяцѣ, VIII года Республики. — Безпорядки въ управленіи и въ финансахъ. — Плохое и разстроенное состояніе войска. — Смятеніе въ Вандеѣ. — Волненіе революціонной партіи въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ Франціи. — Первые дѣйствія временныхъ консуловъ къ восстановленію порядка въ разныхъ частяхъ правленія. — Назначеніе Камбасереса — министромъ юстиціи; Де-Ла-Пласа — министромъ внутреннихъ дѣлъ; Фуше — министромъ полиціи; Талейрана — министромъ иностранныхъ дѣлъ; Бертье — военнымъ, Форфе — морскимъ, а Годеня — министромъ финансовъ. — Уничтоженіе прогрессивнаго вынужденнаго займа. — Учрежденіе управленія податей и сборовъ и составленіе смѣты о недоимкахъ, накопившихся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. — Постановленіе объ обязанностяхъ государственныхъ сборщиковъ податей. — Довѣренность къ правительству начинается возстановляться. — Парижскіе банкиры снабжаютъ правительство первыми, необходимыми для него суммами. — Пособія войскамъ. — Политическія дѣйствія временныхъ консуловъ. — Уничтоженіе закона о заложникахъ, освобожденіе задержанныхъ лицъ духовнаго званія и претерпѣвшихъ кораблекрушеніе у береговъ Кале. — Переговоры съ начальниками роялистской партіи. — Перемиріе въ Вандеѣ, заключенное съ Бурмономъ, д'Отишаномъ и Шатильономъ. — Начало сношеній съ иностранными кабинетами. — Состояніе Европы. — Англія и Австрія рѣшаются продолжать войну. — Императоръ Павелъ I, негодуя на своихъ союзниковъ, намѣренъ

отдѣлиться отъ союза и держаться нейтральной системы, принятой Пруссіею. — Важное значеніе Пруссіи въ это время. — Генералъ Бонапарте посылаетъ въ Берлинъ адъютанта Дюрока. — Слухъ о мирѣ. — Чувствительное улучшение въ нравственномъ и вещественномъ состояніи Франціи, въ слѣдствіе первыхъ постановленій временныхъ консуловъ. — Начинаютъ заниматься конституціею. — Проектъ Сіѣеса, давно имъ обдуманнѣй и составленнѣй. — Списки выборныхъ, Сенатъ, Законодательный Корпусъ, Трибунатъ, Великій Избиратель. — Несогласіе между Сіѣесомъ и генераломъ Бонапарте относительно исполнительной власти. — Опасеніе разрыва между обоими правителями. — Посредники снова ихъ сближаютъ. — Великій Избиратель замѣняется тремя консулами. — Принятіе конституціи VIII года и приведеніе ея въ дѣйствіе (обнародованіе) 4-го нивоза мѣсяца VIII года Французской Республики.

И С Т О Р І Я

КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ

ВО ФРАНЦИИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КОНСТИТУЦИЯ VIII ГОДА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

День 18-го брюмера (1799 г.) прекратилъ существованіе Директоріи ⁽¹⁾.

Люди, придумавшіе этотъ родъ Республики, послѣ бурь Конвента, не были увѣрены въ превосходствѣ и прочности своего творенія. Но послѣ кроваваго времени, котораго они были свидѣтелями, имъ было трудно сдѣлать что нибудь лучше или иначе.

Что такое
Директорія?

Думать о Бурбонахъ было рѣшительно невозможно: ихъ отвергало общественное мнѣніе. Равномѣрно невозможно было отдать судьбу Франціи въ руки какого-нибудь знаменитаго полководца, потому что въ это время ни одинъ изъ французскихъ военачальниковъ не приогрѣлъ столько славы, чтобы могъ покорить себѣ умы. Притомъ еще не всѣ мечты были охлаждены опытомъ.

Франція только что ускользнула изъ рукъ Комитета Общественнаго Благосостоянія ⁽²⁾; испытала одно кро-

кровавое правленіе Республики 1693 года, состоявшее только изъ одного собранія, въ которомъ сосредоточены были все власти.

Оставалось сдѣлать послѣдній опытъ: учредить умѣренную Республику, въ которой власти были бы благо-разумно распредѣлены и гдѣ бы управленіе было ввѣрено людямъ новымъ, не причастнымъ къ ужасамъ, отъ которыхъ содрогнулась Франція.

И вотъ придумали Директорію.

Этотъ новый опытъ Республики продолжался четыре года: съ 13-го брюмера IV по 18-е брюмера VII года. Онъ былъ предпринятъ добросовѣстно и съ доброю волею, людьми, по большей части честными и благонамѣренными.

Хотя въ число четырехлѣтнихъ правителей Франціи втерлись и лица заносчиваго характера и сомнительной честности, какъ напримѣръ, директоръ Баррасъ, но Ребель, Ла-Ревельеръ-Ленѣ, Ле-Турнеръ, Карно, Бартеlemi, Роже-Дюко, Сійесъ, были граждане честные; нѣкоторые изъ нихъ отличались дарованіями, а послѣдній, Сійесъ, былъ даже человекъ необыкновеннаго ума.

Несмотря на это, Директоріальная Республика скоро превратилась въ самый нестройный хаосъ. Меньше жестокости, но гораздо болѣе безначалія—таковъ былъ характеръ новаго правленія. Обвиненнымъ не рубили головъ гильотиною, но ихъ ссылали въ заточеніе; никого не принуждали, подъ страхомъ казни, принимать ассигнаціи вмѣсто наличныхъ денегъ, но за то никому и не платили.

Войско, безъ оружія и пищи, было побѣждаемо, вмѣсто того, чтобы побѣждать. Ужасъ замѣнился невыносимо-болѣзненнымъ состояніемъ. А какъ слабость также имѣетъ свои крайности, то и эта, по видимому, умѣренная Республика, приступила наконецъ къ двумъ мѣрамъ совершенно тиранскимъ: къ прогрессивному вынужденному займу и къ закону о заложникахъ.

Въ особенности послѣдняя мѣра, хотя она съ виду, не имѣла ничего ужаснаго, была однимъ изъ самыхъ жестокихъ притѣсненій, изобрѣтенныхъ кровожаднымъ духомъ партій.